

Ирина  
Максимовская

ОСОБА  
с веселыми  
обстоятельствами

# **Инга Максимовская**

## **Особа с весомыми обстоятельствами**

*<https://litres.ru/74173244>*

*SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

Я приехала в роскошный отель по выигранной путевке и сразу поняла — произошла ошибка. Потому что в таких местах должны отдыхать длинноногие красотки в микро-бикини, а не я — парикмахерша Уля с лишним весом, шляпой а-ля «пухлый Незнайка» и кругом в форме утенка.

Но стоило мне чуть не утонуть, опозориться перед самым наглым красавцем отеля и случайно спасти его рыжую дочку, как отпуск резко перестал быть скучным.

Теперь девочка уверена, что я идеальная мама для нее, ее отец смотрит на меня как-то слишком внимательно, а я все сильнее подозреваю, что у этой истории вообще не случайное начало.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 9  |
| Глава 3                           | 15 |
| Глава 4                           | 19 |
| Глава 5                           | 24 |
| Глава 6                           | 29 |
| Г                                 | 34 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

# **Инга Максимовская**

## **Особа с весомыми обстоятельствами**

### **Глава 1**

**Обязательно обними пальму и загадай желание.**

Вот, значит, стою я, обняв ужасно колючий ствол пальмы, уносящейся в синее безоблачное небо. Желание загадывать — нет никакого желания, потому что оно все равно не сбывается.

Дурацкий купальник обтягивает мое крупное тело, шикарно выделяя все мои толстинки и спасательные круги. И даже то, что этот чертов танкини моего размера, совсем не помогает мне выглядеть легкой и воздушной.

И отель этот — слишком шикарный, праздничный, дорогой. Личный пляж, к которому прямо из отеля спускает меня стеклянный лифт с двадцатого этажа... Слишком пафосный.

А на пляжу этом я выгляжу так, словно пробралась сюда обманом. Вокруг одни подтянутые тела, покрытые загаром, блестящие от масла. И я... Боже, я похожа на бегемотиху из мультика. И мне все время кажется, что все вокруг морщат безглаголиво носы и отворачиваются. Лишь бы не видеть кринж

в моем лице.

Как я тут оказалась? Ну...

— Пап, помоги. Ааааа, — детский голосок звучит не испуганно, но меня словно ледяной волной окатывает ужас, когда я вижу маленькую рыжую головку очень далеко от берега. И голос доносится уже слабо. Вдалеке барахтается ребенок. И никого нет вокруг. Пляж словно вымер. Хотя в это время народу тут почти нет, поэтому, собственно, я тут как раз вот сейчас. Боже. Что же делать? Почему бездействуют спасатели?

Я отлепляюсь от проклятой пальмы. Реально отлепляюсь, потому что она вымазана какой-то дрянью.

И знаете что? Я не умею плавать, хоть и похожа на кашалота.

Хватаю надувной круг в форме утенка, вот еще один поплавок позора, но только он смог на меня налезть из всего разнообразия, предложенного в магазинах.

Вламываюсь в воду, подняв миллиарды брызг. Ребенок молчит, и от этого еще страшнее. Настолько, что я не чувствую даже перепада температуры от раскаленной суши к ледяной воде.

На кой черт я вообще поехала сюда? Лучше бы деньгами взяла, — наконец проскакивает в голове здравая мысль. Жаль, что она запоздалая.

— Эй! Эй, малыш, ты где? — мне кажется, что я кричу, но из горла несется лишь идиотский писк, похожий на ку-

дахтанье.

И тут же меня накрывает волна. С головой. И я теряюсь в пространстве от ужаса. Рот открываю. Он сразу наполняется соленой водой. Легкие, кажется, разрывает. А круг отчего-то выталкивает меня куда-то задом кверху. И я, как ни стараюсь, не могу ни перевернуться, ни закричать. Расслабляюсь. И...

— Смотри на меня. Слышишь, твою мать? Смотри. Ну... — грохочет надо мной страшный голос. Наверное, я в ад попала. Горячо, как на сковородке. И кто-то лапает меня за грудь, нагло так. — Черт, откуда взялась тут эта чертова дурра? Я сто раз говорил, чтобы никого не было на пляже в это время. Урою всех, — снова рычит кто-то. Точно какой-то адский демон. И снова чужие лапы на моих персях.

Явно у меня сокращаются какие-то мышцы, или мозг голодал долго, пока я не утонула и не попала в преисподнюю. Иначе чем объяснить, что я выбрасываю вперед кулак, спасаясь от посягательства на девичью честь.

— Бх, — удивленно икает дьявольское отродье. Попала. Причем, видать, сильно, судя по тому, как гудит мой кулак. Интересно, у утопленников же не должно болеть? Но не перестает мне давить на грудь с ужасной силой. Словно пытаются из меня выдавить...

Открываю глаза как раз в тот момент, когда из моего рта с кашлем выливается, кажется, тонна воды. Боже. Как же мне плохо. Чьи-то руки переворачивают меня на бок с такой

легкостью, словно я не центнер вешу. Боже. Главное, чтобы юбочка у танкини не задралась.

— Вы кто? — хнычу, наконец собрав в кучу глаза. Черт, даже спасатели в этом гребаном отеле шикарны. Мужик в форменном жилете, распахнутом на груди, словно сошел с календаря. Ну того — с горячими австралийскими пожарными. Я как замороженная уперлась взглядом в кубики на его животе. В дорожку темных волосков, спускающихся от пупка вниз, к резинке чертовых плавок. О боже. Какой стыд. Какой позор.

— Жива, — хмыкает чертов спасатель. — Даже чересчур, судя по взгляду. Боже. О боже. Я сейчас лопну от крови, прилившей к лицу, и забрызгаю белоснежный песок дорогого пляжа. — Дышать можешь?

Не могу, блин. Но совсем не от того, что нахлебалась воды. Киваю, как болванчик, пытаюсь сесть. Боже, я ужасна. Юбочка, конечно, задралась. Обнажив мои белые, как сметана, бедра, слишком полные, ужасные. Снова краснею. Нос становится на лампочку похож. Ну почему я такая нелепая?

— Ты мне скажи, какого лешего ты полезла в воду? — шуруется спасатель-спаситель. Господи, лучше бы я утонула, чем такой позор.

— Там, вообще-то, ребенок был. Девочка. Она кричала: Помогите. Она... А я плавать не умею. Но подумала, что смогу... А потом волна. И... Кстати, а где были вы в это время? — наконец прорезается у меня голос. — Почему отдыхаю-

щие должны вашу работу делать? А ну отойдите. Я вот сейчас пойду на рецепцию и такую телегу на вас накатаю. Я...

— Слушай, вообще-то... — ухмыляется этот оболдуй. Ну а как его еще назвать? Он пренебрег своими служебными обязанностями, а теперь пытается оправдываться. Я вскакиваю на ноги, одергиваю чертову тряпку. Киплю вся от негодования и огненного жара. Это точно солнце так палит.

— Никаких оправданий, — рявкаю я. Подтягиваю на талии сдувшийся круг в форме утенка, грустно повесившего клюв. — Вас уволят. И правильно сделают. Вот.

Я иду, гордо расправив плечи. Хотя абсолютно точно выгляжу сейчас уныло и похожа на какого-то персонажа гротескной комедии. И шапочка эта чертова на моей голове. Господи, ну зачем я ее купила, может мне кто-нибудь объяснить? Хватаю с шезлонга пляжную сумку, которая вот именно сейчас цепляется за шезлонг плетеной ручкой. И я тяну чертову торбу вместе с лежаком. И из нее вываливается всякая дрянь. Классно отдохнула. А ведь уже обед начался. Точно, обед. Мне срочно нужно заесть стресс. Мне нужно пирожное с масляным кремом и литр латте. И завтра я лучше уеду. Ну и пусть сгорит путевка. Я же ее все равно не покупала. Как пришло, так и ушло. Да, точно. Сегодня соберу вещи и...



## Глава 2

### Молодая была не молода

И что? Что дальше? Вернусь в свой мир? В двухкомнатную квартиру, доставшуюся нам с братом от родителей, в которой мы и живем: я и мой брат с беременной женой, которая меня на дух не выносит. Поэтому каждый вечер я стараюсь как можно позже вернуться в родные пенаты.

Я-то думала, что две недели в этом снобском раю покажутся мне восхитительными. Ну, так писали в рекламном проспекте, типа Побывай в Раю. Отель Эдем ждет тебя и на картинке улыбалась счастливая красотка. И я от чего-то решила, что этот рай для всех. Дура.

— Теть, вы потеряли вот.

Маленькая девочка, похожая на смешного рыжего лисенка, стоит совсем рядом и протягивает мне дешевую пластиковую расческу. Мне она понравилась, когда я увидела ее в магазине. Разноцветная, с переливами, словно хвост у русалочки. Черт, вот эта расческа этой девочке подходит, а мне нет. Я взрослая тетка, тридцатилетняя, незамужняя, одинокая. А эта малышка... Господи, а ведь я бы могла ее мамой быть. Сколько ей? Лет шесть... Как раз. Господи, горло стягивает. Не надо. Не надо вспоминать и думать о том, чего нет и уже не будет.

— Спасибо, — давлю из себя улыбку. — У тебя классный

купальник.

— Фуфловый, — морщится куколка. — Мама купила. Она вечно тащит мне всякую дрянь. Говорит, по статусу надо. А мне не надо. Я хочу с собачкой купальник. У нас в магазине продают в соседнем отеле. Мама говорит он дешманский. Они с папой даже поругались, потому что папа хотел мне купить то, что я хочу. Но они все время ругаются, когда мама приезжает. Вот. А вообще. Она с нами не живет, потому что... Ой, мне пора. Папа меня наругает, что я снова ушла и его не предупредила.

— Нельзя от папы убежать. Он волнуется, наверное, — вздыхаю я. Прячу позорную расческу в свою дурацкую сумку. Горло все еще саднит. А грудь... Я до сих пор ощущаю кожей прикосновения чужих мужских рук. Черт... — Давай я тебя провожу.

Ага, провожу. И заодно объясню мужику, что за детьми нужен глаз-да-глаз. И то, что крошечная малышка бежит одна по отелю, забитому сотнями посторонних людей — просто безобразие. А уж то, что она одна плавает в море верх безалаберности и равнодушия.

Да никому я ничего не объясню. Я нерешительная, стеснительная, забитая тетка в дешманском купальнике и с кучей комплексов.

— И ничего он не волнуется. Просто злиться, что я не слушаюсь. А я его слушаюсь, а маму не хочу. Она злая и вредная. И они сейчас с папой ругаются. А мне не интересно и

скучно слушать, как мама у папы денежки требует. Вот.

— Тебя как зовут? — ну вот зачем мне эта информация? Но малышка эта от чего-то кажется мне очень важной, очень знакомой.

— Груня. Ну, меня так папа зовет. Мама Феней. Говорит имя у меня дурацкое. Хотя она меня сама так назвала, папа сказал. Вот. А вообще я Аграфена Морева, вот. А ты?

— А я Уля. Ульяна, — хмыкаю я. У меня имя тоже так себе. Папа мой затейником был. Был... Очень надеюсь, что там, где он сейчас ему горячо и жарко.

— Ладно, пойду я, — неожиданно хихикает малышка, и буквально испаряется. Я вижу только рыжую косичку, когда девочка ввинчивается в толпу смеющейся молодежи, словно сошедших с обложки глянца.

Пирожные. Я за ними шла. Вот они, совсем рядом. Возьму медовое. И Сказку с масляным кремом и прослойкой яблочного джема. И еще... Орешки со сгущенкой. А запью я все это...

— Только что тут была. Сколько раз вам говорил, не спускать с нее глаз. Не можете уследить за маленькой девочкой. За что только зарплату получаете? — грохочет прямо за моей спиной очень узнаваемый бас. — Чертовы няньки разбегаются как тараканихи, все отказываются у нас работать. А вы мышей не ловите. Чего встали?

Я смотрю на спасателя с пляжа. Сейчас он одет, слава богу. Белая футболка, черные брюки, фирменная жилетка пер-

сонала отеля. И он командует тремя амбалами, которые мечутся по столовой отеля, как овчарки, в поисках маленького ребенка. Папа Груни определенно тут царь и бог, раз на него работают такие серьезные товарищи. Даже интересно, что там за титан такой, если ему служит этот злой и самоуверенный мужлан.

Не интересно. Плевать. Я же все равно собралась уезжать.

Так... Пирожное. Ага. А может лучше взять Павлову с ягодным щербетом?

Потягиваю руку за блюдечком с воздушным десертом и чувствую себя почти счастливой. А еще я чувствую спиной чей-то взгляд. Такой чесучий, что у меня начинает между лопаток зудеть.

Только не оборачивайся. Не оборачивайся. Бери пирожное и уходи. Точнее беги — мысленно твержу я себе как мантру и тут же разворачиваюсь всем телом к источнику моего неудобства. И почти врезаюсь носом в широченную мужскую грудь, обтянутую белоснежной тканью.

— Привет, спасательница Малибу, — хмыкает гадский ОСВОДовец. Ну. Или как там сейчас называют загорелых, мускулистых, нахальных мужиков сидящих на вышках общественных пляжей? Не важно. Важно то, что я не съем Павлову, потому что ягодный щербет расплывается сейчас уродским пятном на чертовой рубашке ужасного зубоскала. И я снова чувствую себя неуклюжей идиоткой. И он улыбается одними губами. Глаза чертяки ледяные, похожие на сталь-

ные лезвия.

— Рубашка была новая, — хмыкает страшно-ужасный красавец.

— Я заплачу. Сколько там? — о, да еще большей идиоткой как сейчас я выглядеть уже не смогу. Дальше некуда. Дальше дно. Хотя...

— Не стоит. Это будет компенсацией за утенка, которого я лопнул, когда спасал великую спасательницу. Кстати...

— Где нашла, там уже нет, — выдыхаю я. да. Он такой же как все. А все меня всегда спрашивали, где я нашла круг с утенком моего размера. — И хулахупы мне все как раз. Все? Посмеялись? — выпячиваю вперед подбородок, чувствуя, как от обиды дрожит губа. — Вообще-то я хотел спросить, ты не видела случайно тут рыжую разбойницу, из-за которой мне пришлось нырять за тобой. А я это терпеть не могу.

— Странно. Это же ваша работа, — отвожу глаза. Мне ужасно стыдно за то, что я ему наговорила. Зачем? Просто я не умею разговаривать с такими как он. Мое общение с противоположным полом сводится к вопросу Как будем стричься? Или Гель будем наносить?

— Работа, говоришь? Слушай, ты как вообще вот такая тут оказалась?

— В смысле? Какая? — от обиды горло сдавливает. И вместо гневной отповеди несется дурацкий обиженный писк.

— Вот такая. Чистенькая и слишком естественная, —

морщится наглец. — Тут совсем тебе не место.

Ха! А то я не знала без него. Только вот другого шанса увидеть море и пообниматься с пальмой к меня не предвиделось. И если бы я не выиграла эту дурацкую путевку, то сидела бы сейчас в салоне красоты Ганеши и нюхала лак для волос. Да-да-да, название у салона такое же нелепое, как и его единственная парикмахерша Уля. Но... Такова селяви, как говорится.

— А вот это не ваше дело. И вообще, что вы ко мне пристали. У вас, поди. Работы полно. Хозяин то вас, наверное. Не погладит по головке. За то, что вы не уследили за его дочерью. За собой следите, — выпаливаю я. Наверное, все-таки, мне обидно, что я не подхожу этому месту пафосному. Ну. Или оно мне не подходит. Резко разворачиваюсь и иду снова к стенду с пирожными, гордо расправив плечи. Сам то он кто. Наемный служащий. А я гость. Я... Хоть раз в жизни я главнее кого-то, Черт.

## Глава 3

**Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья.**

А почему, собственно, я должна уезжать? Ну вот почему? Я же честно выиграла эту гадскую путевку, честно выпив полтора литра мерзкого лимонада. «Загляни под крышечку». И в жизни мне никогда не везло. Вот единственный раз удача ко мне повернулась лицом, а не тем чем обычно. Так почему я должна отказываться?

Я сейчас надену купальник, обмотаюсь шикарным парео, тем, что мне подарила единственная моя подруга, маникюрщица Дашка, и пойду на пляж. И плевать мне на все. Я заслужила этот чертов отпуск. Я его выстрадала.

О, и шляпу эту тоже напялю. Ну и что, что я в ней похожа на пухлого Незнайку. Зато нос не обгорит. И не будет потом облазить.

Так, все взяла. Крем от солнца, масло для ровного загара, полотенце, книгу с чудесным названием «Как стать счастливой за три дня». Очки чуть не забыла.

Лифт стеклянный спускает меня с небес на грешную землю. Эх. Круг мой надувной порвался, так жалко. Вру, совсем не жалко. И в воду я не полезу. И вообще. На кой черт я снова поперлась на этот пляж? Думаю, уже даже вернуться в номер. Прижимаю сумку к себе, словно она шляпа волшебная, которая может мне дать ответ — куда мне все-таки нужно

и чего я хочу. Оседлать метлу и улететь отсюда в менее пафосный отель. Где все такие же как я. И...

— Опusti. Я не хочу никуда ехать. И я у папы не отпросилась. Он же злиться будет. Ну пусти, пожалуйста. Мне ручку больно.

— Будешь делать как я сказала, маленькая дрянь. Я сказала — пошли. Хватит устраивать сцены. Я твоя мать в конце концов. Закрой рот и не канючь. Не зли меня.

Я смотрю на крошечную рыжую девочку, которую тащит за руку шикарная красавица. Точнее, женщина была бы ошеломительна, если бы не злое и надменное выражение ее холеного лица. А Груня плачет почти. Губка надута нижняя. И руку ей больно на самом деле. Красотка тянет ее так, что мне страшно становится, что она оторвет малышке конечность.

— А ну отпустите девочку, — черт, ну вот зачем я снова? Ну я же слышала — это ее мама, скорее всего девочка снова озорничала, и мать сердится. Но малышка так напугана... — Я к вам обращаюсь. Отпустите ребенка. Она не хочет с вами идти.

Мне кажется, что меня арктическим холодом сковывает, когда женщина поднимает на меня прозрачно-зеленые глаза. Красивые, но ледяные, как сосульки. Странно, Груня совсем не похожа на мать. словно из разного теста их лепили.

— Уйди с дороги, корова, — кривит она дорогие губы. Презрение в ее взгляде неприкрытое и насмешливое. — Кстати, кто тебя сюда пустил? Этот отель не для таких как



ты. Тут нормальные люди отдыхают. Я сейчас вызову охрану, пусть разберутся, какого лешего тут сброд шастает. Ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь?

— Очень даже хорошо понимаю, — хмыкаю я. Словно черт меня дергает за язык. — С хамкой и нахалкой невоспитанной. И мне плевать, кто вы. Ребенок не хочет идти с вами. И если вы не отпустите малышку, я буду свистеть. Что? У меня свисток в сумке, я всегда его с собой ношу.

— Ух ты. Круть, — хихикает Груня, глядя, как я лезу в безразмерную торбу, в которой найти чертов свисток — дело гиблое. Там в этой пляжной сумке сам черт ногу сломит.

А вот же он. Достая красный свисток на синем шнурке, сую в рот. Ага, съела? Красотка меняется в лице, отпускает девочку, только что не шипит от злости и как-то уж слишком резко в сторону уходит. Наверное, просто решила не связываться с сумасшедшей. А что, я на умалишенную сейчас очень похожа. Хотя... Я бы своего ребенка не бросила вот так. А вдруг я буйная.

— Ты меня снова спасла, — Груня обнимает меня за бедра, и я чувствую ужасно-болючую тонкую нежность и давно забытую боль. — Ты героиня, ага. Я папе расскажу, что хочу, чтобы у меня ты была мама, а не эта злючка.

— Это невозможно, малыш, — сиплю я сквозь зажатый губами свисток. Главное — не подавиться им. В горле ком, в голове ураган. — Твоя мама наверняка тебя любит. Просто не все взрослые умеют...

— Слава богу. Вот ты где. С тобой все в порядке? — к нам подлетает спасатель с пляжа в этой своей вечной форменной жилетке. Подхватывает на руки девочку, прижимает к себе, осматривает. Ага, испугался. Снова свою работу чуть не прошляпил. — Сто раз говорил, не сбегай.

— А меня снова Уля спасла. Представляешь. Мама хотела меня увезти. А она со свистком. А еще такая ей говорит: ты нахалка и хамка. А мама чуть не лопнула от злости, и Улю коровой обозвала. А Уля красивая. И совсем не корова, правда же? Самая красивая красавишна на свете. И у нее шляпа и свисток. Правда круто? купишь мне такую шляпу? А еще мама сказала, что ты платить ей замучаешься. А потом...

— Спасибо, Уля, — улыбается мужлан. А он симпатичный даже, когда не строит из себя мачо-брутального. И взгляд у него уставший. И морщинки возле глаз. — Я ваш должник. Слушайте, а может, вам что-то нужно? Ну, номер лучше. Или...

— А ты ее на свидание пригласи, — шепчет Груня. Ну что за ребенок такой? — Давай. Она клевая.

— Ничего не нужно, спасибо, — выпаливаю я и срываюсь с места. Точно. Буду на балконе отдыхать. Противопоказано мне из номера выходить. Солнечные ванны и там принимать можно. И даже море немножко видно. Если под углом смотреть. Буду только столовку посещать. Отлично. А что? Звучит как план.

## Глава 4

**Нет слова «невозможно» в моем словаре.**

Интересно, тот, кто пишет эти мотивационные книги, счастлив? Невозможно верить в то, что нет ничего невозможного. Это же глупость несусветная.

Но... Все, что возможно, нужно делать для того, чтобы стать счастливой.

Я вот, например, радуюсь всякой мелочи. Даже чертову кругу-утенку я радовалась. А сейчас сижу на небольшом балконе, пью капучино с пенкой, смотрю на крошечный клочок синего моря и думаю: а жизнь-то у меня не совсем ужасная. Нужно просто уметь находить в ней что-то замечательное. Что-то...

И надо уже научиться выключать телефон. Хотя бы на время отпуска.

— Улька, мне срочно нужны бабки, — вливается мне в ухо голос брата Леши. Ни тебе «Здрасти», ни как ты там, сестра. Вот так, сразу в лоб. — Жизненно необходимы. У меня проблемы.

У него всегда проблемы. Мой любимый младший брат, мальчишка, которого я вынянчила, копия наш отец. От осинки не родятся апельсинки. Просто некоторые тыковки, толстые и неуклюжие, иногда далеко откатываются от этой чертовой осинки. И расплачиваются всегда за всех эти глупые

идиотки-тыковки.

Вздрагиваю. Мысли улетают в прошлое, которое я стараюсь забыть навсегда.

— Улька, ты слышишь? К нам уже приходили. Забрали холодильник и статуэтку. Ну ту, мамину. И угрожали. Алька в истерике. А ей нельзя нервничать. Ты тут вообще, ау?

— Леш, у меня нет денег, — говорю я твердо. Ну, как, тоже твердо. Статуэтку жалко. Память. Мама ее любила, берегла. И Алька все-таки племянника моего носит, малыша. Ей доступна эта радость. А меня ее лишили... Черт, ну не вспоминать же, дала себе обещание.

— Конечно. Понятно все. Сама зад греешь у моря, плевать тебе на всех. Эгоистка ты, Улька. Меня уже избили один раз, в следующий...

Я эгоистка? Я... Э-го-ист-ка. Я это слышала уже. Семь лет назад. Когда отец вот так же явился домой весь избитый. Лешка тоже стал игроком. Отсюда проблемы. Я была очень глупой тогда. Очень. Отца спасла, а сама...

Тра-та-та. Тра-та-та. Тра-та-та.

— Леш, у меня правда нет. И поездка эта мне досталась бесплатно.

— Ты могла бы загнать путевку, а не раскатываться и наслаждаться, пока нас тут теребонят. Но ты же устала. Черт. Да пошла ты...

Мне в ухо летят короткие гудки. Спокойно кладу дешевую трубку на столик. Капучино стал невкусным.

Меня волнует всего один вопрос: «Как перестать быть тыковкой?» Почему никто до сих пор не написал про это книгу?

Но Лешка прав. Зря я поехала в этот рай. Нужно было загнать путевку, купить себе новое кресло для работы, да и гардеробчик обновить.

Это платье домашнее очень неудобное. И ткань у него...

В дверь стучат? Я не жду никого. Может, горничная? Очень настойчиво стучат. Слишком для персонала. И я бездумно открываю дверь. Боже. На мне прозрачное платье. Жарко, и я надела мерзкую тряпку. Оооо...

Распахиваю воротину, за которой не вижу ничего и никого, кроме громадного букета, торчащего из ужасного круга в форме фламинго. Такого розового, что у меня зубы сводит. Ужасающе дорогого букета. И запах цветов настолько оглушительен, что я вот-вот грохнусь в обморок. Боже. Там что? Там лилии?

— Там, в сумке, антигистаминное, — непонятно кому сиплю я.

— Ничо си, смотри, как Уле «сюрприз» понравился. У нее вон, гляди, какие глазки красивые стали. Как у лемура, ага, — несется откуда-то из полумрака коридора восторженный шепот. — Я же говорила, она радая будет.

Это последнее, что я слышу, если честно. А потом...

— Господи, вот мне везет всегда. Дыши, мать твою, — гремит над моей головой уже знакомый голос. И грудь мою

снова нагло сдвливают чужие огненные руки. Или копыта... Что там у этих адских аспидов из плеч растет. — Груня, сумку тащи. Эй, ты, посмотри на меня. Вот умничка, — выдыхает мне от чего-то в рот чертов спасатель с пляжа, и из столовой, и из... Я пытаюсь сфокусировать взгляд на его лице, но от чего-то вижу только губы, словно из камня высеченные.

— Что вы... Почему вы меня лапаете? — Боже, как же позорно я пишу. Но горло, сжатое аллергическим спазмом, не дает нормальному звуку из меня выходить.

— Если бы я знал, что ты припадочная... — хмыкает нахал в форменном отельном жилете. Он с ним сросся, что ли? Пихает мне прямо в горло таблетку, как кошке, ей-богу. — Груня, воду носи.

— Я не... Вообще, я не ждала никого. И цветы... Не стоило тратить.

Платье. Боже, дурацкое платье. Оно очень тонкое. И я снова на полу валяюсь. И...

— Вот, — детский голосок звенит в воздухе, как колокольчик. Малышка взмахивает ручками, споткнувшись об мою ногу. И вода... Вся выливается прямо на меня. Ооооо...

— Ыыыы, оооо, — как-то странно хмыкает спасатель. Ну, хоть руки свои от меня убирает. И боком, как краб, отползать начинает. Что это с ним.

— Ух ты. Уля, у тебя лифчик классный, — хихикает девочка. — С жабками? Ничо си. Я когда вырасту, у меня грудь вырастет, тоже такой хочу. И трусики, ага...

Как? О, черт меня подери. Вода. Мамочки. Платье меня облепило как салфетка мокрая и стало совсем бесполезным. Мне хочется заползти под чертов диван, и я даже пытаюсь это сделать. Идиотское белье я купила в магазине «все по пятьдесят рублей», со скидкой пятьдесят процентов. Ну, вы понимаете. И размер мой был, как на грех. Иначе я бы ни за что... Боже. Какой позор ужасный. И этот мужлан наглый... Он что? Он почему трясется? Он что? Он смеется?

— Вы... Ты... Я... — сдергиваю с дивана покрывало, заматываюсь в него, как патриций, и начинаю дышать наконец-то. — Я не приглашала вас в гости.

— А мы пришли, — икает проклятый мужлан. — Слушай, мы хотели отблагодарить тебя просто. И...

—Отблагодарили? Спасибо, не стоило затрудняться. Груша может приходить в любое время, — хмыкаю я. — Только она. И, пожалуйста, избавьте меня от сюрпризов. Кстати, вы опять бродите по номерам постояльцев вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями. До свидания.

— Она нам подходит, — серьезно кивает головой малышка. Я смотрю на спасателя. Он не смеется больше. Взгляд, которым он меня прожигает, совсем не добрый или насмешливый. Он оценивающий. И еще...

## Глава 5

### **Крылья успеха вырастают из мечты.**

Этот лозунг я тоже прочитала в книге, если что. А если что? Не знаю у кого и откуда они вырастают, но у меня, кажется, даже не из спины, а существенно ниже. Зачем я вообще трачу деньги на макулатуру, которая никак меня не мотивирует? Наоборот... И отпуск этот — просто попытка сбежать из серой жизни. Мне надо спасать брата, нянчиться с ненавидящей меня снохой, которая ночей не спит, думает, как выселит меня с жилплощади, и стричь работяг-мужиков, пока не отвалятся руки, чтобы оплачивать коммуналку и тащить на своем горбу наследство папеньки.

— Я не подхожу. Никому. Забирайте ваш букет и уходите. Вы мешаєте мне отдыхать. Я буду жаловаться. Такую телегу накатаю на вас, что шляется по номерам отдыхающих. Вылетите пробкой с работы, — на последнем слове я выдыхаюсь. Прямо реально глотаю слово, давлюсь и закашливаюсь. — И лилии эти... Вы меня чуть не убили.

— Круг можно оставить? Или вы и фламинго не выносите? — хмыкает нахал. — Утят не было вашего...

— Вы хотели сказать моего размера? — ничего нового. Очередной приколист, считающий себя венцом творения.

— Я хотел сказать — вашего цвета. Были только синие. Синие утята выглядели странно, — он что? Смущается?



Черт, снова я в дураках. — Я подумал, что розовый цвет лучше подойдет к вашей шапочке и свистку.

Нет, все-таки он смеется. Но как-то беззлобно и не обидно. И это бесит.

— Давай. Ну давай уже, — дергает за руку спасателя Груня. Странно как-то, что ее отец позволяет девочке вот так спокойно шастать по отелю с мужиком из обслуживающего персонала. Хотя Груня же говорила: ее богатенький папа никак не разберется в своей семье. И поэтому ему просто не до дочери. Вот так бывает: громадные деньги, а счастья нет. Обидно. Но еще больше обидно, что эти люди не ценят сокровище. Которое им бог дал. У них дочь, а они делят деньги. И используют малышку как инструмент.

— Слушай, ты давай не дави на меня, — хмыкает амбал. Он симпатичный. И ямочки у него на щеках трогательные. Просто... Просто я понимаю прекрасно, что ни к чему хорошему вот эти наши встречи «случайные» точно не приведут. Вообще ни к чему. Потому что я толстая и неуклюжая. А он... Загорелый мускулистый красавчик-мачо. Ну вот какие могут быть у нас точки соприкосновения? — Кто у нас тут взрослый? И вообще...

— Уж и не знаю, — морщит носик, усыпанный веснушками, Груня. И я не могу сдержать улыбку. Она такая смешная и трогательная. И она могла бы быть... Не думать, не думать, не думать. — Иногда мне кажется, что я. Ну...

— Что ну? — приподнимает шикарную бровь красав-

чик-спасатель.

— Ой, все самой. Уля, мы пришли, чтобы он тебя пригласил с нами поужинать. Вот. Вот так надо, видишь? Это не сложно, — хмурит бровки малышка. Смотрит на своего... Кто она там ему? Нянька? Телохранитель? Если второе, то фиговый он телохранитель. Но это же не мое дело. Правда?

— Ну так пусть он и приглашает, — ну вот зачем я? Все равно же откажусь. Ну какой ужин? Абсолютно глупая затея маленькой девочки, не знающей ни в чем отказа. Каприз балованного ребенка. Спасателю это страшно не интересно. И все это будет... Глупо и натужно, и вообще... — Знаете, мне вполне достаточно этого розового гуся.

— Фламинго, — скалит белоснежные зубы несносный мужик. Ну вот за что мне?

— Что?

— Этого гуся зовут фламинго. И я тебя приглашаю на ужин. Сегодня. В ресторане на крыше в десять.

— Ну, наконец-то. Взрослые вечно тупят. Все самой, все самой, — ворчит Груня. А спасатель смотрит на меня выжидающе. И... Черт, я снова в прозрачном платье. Проклятое покрывало, видно, выскользнуло из моих скрюченных пальцев, когда, интересно? И теперь валяется у моих ног уродливой кучей.

— Ты давай не налей, — вздрагиваю. Он мне? А, нет, он переводит строгий взгляд на девочку.

— Я не ем после шести. И ресторан на крыше же не рабо-

тает. Ну... Точнее...

— Уля. Ну соглашайся, пожалуйста. Будет круто, — качнучит малышка. И у меня трещит что-то в душе. Я, конечно, пожалею, что согласилась. И, наверное, променада не выйдет, потому что ресторан на крыше закрыт для простых смертных, даже таких крутых, как остальные постояльцы этого пафосного рая. Потому что там харчевня для бога. А он тут один. И это точно не пляжный спасатель в форменной жилетке. И вряд ли всесильный папа Груни позволит дочери притащить в его замок обслугу и не пойми кого.

— Ну... Хорошо. Я приду. Только, пожалуйста, не нужно больше лилий. И арахис... У меня на него тоже аллергия. А форма одежды? — господи, ну что я несу? Какая форма одежды? Ресторан вряд ли доступен простому персоналу. Да и финансово... — И давайте не ресторан. Давайте что-то попроще. Можно поесть рыбы на пляжной аллее или бургеров. А еще...

— Круто, — перебивает мой лепет радостный вопль малышки. — Ура! Ура! Ура! Я тоже наряжусь. Надену платьюшко. Мне папа купил дешманское.

— Груня, прекрати, — хмурится мой галантный кавалер. — Насчет формы одежды... Любая. Только не это платье. Пожалуйста. Груша, пошли. Нельзя мешать отдыхающим отдыхать. Пошли.

Он тянет малышку к двери как-то слишком уж нервно и суетливо. Черт, платье же... Ооооо.

Розового гуся зовут фламинго. Мне нравится. Красивый надувной круг. И дорогой. Я такой видела в магазине, когда покупала павшего смертью храбрых утенка. А цветы он выкинул в окно. Выкинул такую красоту. Я валюсь в кресло, с трудом сдерживая слезы, от которых щиплет глаза и нос. И я пойду вечером на променад с красавчиком, похожая на оленя Рудольфа, потому что сосуды у меня так расположены, что, если нос покраснел, то будет таким еще дня два.

А я пойду?

А почему нет? Я же приехала на отдых. Почему не расслабиться? Почему я все время загоняю себя в какие-то рамки? Я надена новый костюм и пойду. И сумочку возьму. Которую мне Дашка дала напрокат, брендовую. Старой коллекции, правда, но это же ерунда. А надена босоножки на танкетке. И...

Вздрагиваю. Снова звонит телефон. И я ужасно не хочу отвечать. А еще... Еще мне нужно купить новую губнушку. С блеском. Вечерний вариант.

Не понимаю, что со мной происходит. Но в душе какая-то... Не тревога, нет. Нервная зудящая штука, которую никак не унять.

## Глава 6

**Если вы не знаете, куда идете, любая дорога приведет вас туда.**

Любая дорога? Что ж, Джордж Харрисон наверняка был умным человеком и знал, что говорит. Вот только я чешу по этой дороге как-то уже очень долго, аж целых тридцать лет, и пока не пришла никуда.

Итак. Костюм легкий, брючный, из шелка. Он мне так нравился, а теперь кажется похожим на пижаму. И это ужасно прискорбно, если честно. Верчусь перед зеркалом, чувствую себя ужасно странно. Это не свидание же. Просто обычный ужин в знак благодарности за то, что я выполнила работу спасателя, и теперь его не выгонят с работы. Мне бы хватило надувного фламинго, вот не вру ни грамма. Кстати, он даже мне великоват, вот уж чудо-то.

Так, на шею бусы из муранского стекла с блошиного рынка. И что? Винтаж, между прочим. Тоже Дашка подсуропила, слава ей за это. На голову... На голову можно повязать косынку. И босоножки... Ужасно неудобные, но до чего же красивые.

Для кого я наряжаюсь? Для себя. Щеки заливает краснота. Я не умею врать даже себе.

Все. Готова.

Вздрагиваю от резкого стука в дверь. Боже. Пусть там

не будет еще одного сюрприза. Так, мазок глянца по губам, улыбка, открываю дверь и...

— Вам кого? Что-то случилось? — лепечу я, рассматривая шикарного седовласого дядьку, одетого в ливрею и белоснежную сорочку. А еще перчатки у него на руках такие кипенно-белые, что у меня скручивает снежная болезнь. Ну или как там хворь называется у полярников, когда они начинают страдать слепотой?

— Ульяна Степановна, мне приказано сопровождать вас к господину Мореву, — дядька совсем не улыбается. Лицо каменное, как у робота. И за спиной его маячат два мордоворота, тех, что искали Груню в столовой.

— А что случилось? — глупо пишу я. Неужели эта стерва, мама Груни, нажаловалась на меня великому и ужасному миллиардеру и теперь я нерукопожатная и скорее всего меня казнят и выставят в холле отеля как напоминание о том, что каждый сверчок должен знать свой шесток? Ну это же я. Видно, папулины гены все-таки и во мне пробудились. Не просто же так я постоянно во что-то влипаю. — Слушайте. Я не могу. У меня через десять минут важная встреча. Очень важная. И я просто не могу на нее не прийти. Завтра могу вас и вашего хозяина внести в свой плотнейший график, а сейчас... В общем, я сама забегу, как освобожусь.

— Сожалею, но это невозможно. На территорию, куда вы приглашены, вход запрещен отдыхающим. Только в сопровождении и по приглашению. И вы правы, у вас встреча, ко-

торуую невозможно перенести, — улыбается одними губами чертов холуй. — Ульяна Степановна, хозяин приказал мне доставить вас любым способом, если вы начнете фардыбачиться. Пожалуйста, не заставляйте меня...

— Фарды... что? — перебиваю я ливрейного. Вот прямо самый важный сейчас для меня вопрос — филологический. Срочно нужно узнать значение слова, ага.

— Колебаться, сопротивляться неизбежному, — поясняет дядька. Отдохнула. Блин. Почему я всегда лезу туда, куда меня не просят? Зачем?

— Я не одета для высшего общества, — уныло выдыхаю я, понимая, что сопротивляться-то глупо. Не дождется своей Дульсинеи храбрый спасатель с пляжа. Ха... Не судьба, хотя это с самого начала было ясно. Дохлый номер.

— Вы прекрасны, как майская роза, — ох, даже прихвостень миллиардерский издевается надо мной. Что ж... — Пойдемте, хозяин терпеть не может опозданий. Дверь можете не закрывать в номер. Горничные соберут ваши вещи.

Оооо, ну понятно. Аж от души отлегает. Не прижилась я в чужом мире. Посчитали все-таки самозванкой.

— Слушайте, я честно выиграла путевку. Правда. Это легко проверить, — тараторю я, шагая за седовласым лакеем, ну или кто он там. Слушаю тяжелые шаги охранников за спиной. Сказка про Золушку оказалась не очень-то и приятной. — Правда. Лимонад выпила, а под крышечкой путевка. Лимонад, кстати, фуфловый был. Я от него икала.

Ливрейный молча открывает передо мной дверь дорожущего лифта. Откуда я знаю, сколько стоит подъемник? Не знаю, но кабина, отделанная деревом, зеркалами, бархатом и пахнущая тяжелым парфюмом, буквально орет — я роскошна. Не садись на мой диван своим нищесбродским задом.

И возношусь я молча. Ну, точнее, лифт нас возносит, судя по цифрам, горящим на табло, прямо под облака.

Я закрываю глаза, делаю шаг и...

— Ура! Уля! Ура, а ты говорил, она не придет. А она пришла, — звенит радостью детский голосок, отдается эхом ото всюду, и я открываю все-таки один глаз.

Помещение огромно. Окна от пола до потолка, за которыми лазурное море сливается с нависающим над ним, уже темнеющим небом. И чайки, парящие в этом шикарном полузакате, кажутся нарисованными.

Я собрана, холодна и готова защищаться. Я... снова вру. И костюм мой шикарный сейчас кажется мне дешевой тряпкой.

— Па, ну смотри. Она собиралась прийти. Видишь, нарядная какая. И бусики. Красивенные какие. Па, скажи, красивые.

Малышка Груня скачет вокруг меня, как смешной маленький щеночек, даже повизгивает от радости. Платице на ней совсем не миллиардерское, с собачками, нарисованными мультяшными. Явно болталось где-то рядом с моим нарядом. Странно все это. Странно и пугающе.



А вот папу девочки я не вижу, но точно знаю: он сидит вон в том огромном крутящемся кресле, обтянутом дорогой кожей. Спиной ко мне сидит, совсем неуважительно и хамски. И я как раз открываю рот, чтобы выразить свое возмущенное фи, когда кресло начинает медленно поворачиваться, как в фильме ужасов.

**Г**

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.